

Коммуникация как передача этнических признаков?

[Лев Клейн](#)

Об обзоре В. А. Новоженова

Дискуссия по обзору В. А. Новоженова, благодаря экстраординарной активности пропонента автохтонности индоариев в Индостане свелась к оценке только одного аспекта – насколько предложенная Новоженовым концепция соответствует или не соответствует идее происхождения индоариев из Индостана.

Между тем, как мне представляется, концепция Новоженова, очень солидно разработанная, заслуживает самостоятельного разбора, потому что в этом обзоре представлена вполне оригинальная концепция происхождения индоевропейцев. Можно по-разному ее оценивать, но она есть, и в данном обзоре представлены ее вершки, для более детального рассмотрения нужно обращаться к книгам В. А. Новоженова (2012; Новоженов и др. 2015).

Подобно И. А. Тонояну-Беляеву, Новоженов предлагает вообще обсуждать не узко происхождение индоариев, а широко — происхождение индоевропейцев. На деле же нельзя рассматривать происхождение индоевропейцев как простое расширение темы индоариев. Это просто другая тема, другая дискуссия, хотя у них и есть важные точки соприкосновения.

Со времен Лассуэлла, Шеннона и Маклюэна теория коммуникации в приложении к изучению общества играет очень важную роль. Больше 40 лет назад я выдвинул новую линию исследования в археологии с применением теории коммуникации – коммуникационную концепцию эволюции культуры (Клейн 1972, и др.). К сожалению, я не нашел времени развить эту идею монографически, ограничившись несколькими небольшими эссе (все они собраны и предстанут в моей книге «Культура и эволюция», сданной в печать), хотя у меня сохранились и черновые попытки развить эту идею монографически.

Вот теперь Новоженов выступил с другим вариантом использования этой идеи, сильно отличающимся от моего. Он развил свой вариант в книге и представил его в кратком виде здесь, на страницах сайта, сопроводив интересными картами.

Новоженов противопоставляет всем другим концепциям происхождения индоевропейцев свою. «Я же, — пишет он, — сторонник теории коммуникаций, которая рассматривает древние этнические взаимодействия несколько шире, чем простую передачу знаний, вещей и инноваций в результате миграции или автохтонного развития клана или социума в комфортной экологической нише».

В чем же эта широта? Что выделяется на первый план?

«Устойчивое сочетание определенных элементов материальной и духовной культуры, проявившееся в наиболее консервативных артефактах, фрагментах ритуалов и иных нарративных структур, позволяют говорить о некоторых устойчивых традициях и обрядах, которые с большой долей вероятности позволяют судить в том числе и об идентичности социума» (курсив мой. – Л. К.).

В книге «Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии» (2012: 28) автор поясняет: «В узком смысле -это артефакты, определенно связанные с культовой деятельностью, в широком — особенности погребального обряда, изобразительная традиция, некоторые технологические навыки...».

То есть это то, что именуется в археологии этническими признаками. Сама по себе концепция этнических признаков не нова (см. Клейн 1991: 146 – 148; 2012: 280 – 281; 2013а: 285 — 289; 2013б: 22 – 26; 46 — 51). При всей туманности и спорности определения этноса (см. Клейн 2013б: 11 – 124), то, что именуется этническими признаками, понятно всем археологам. Споры идут только о том, какие именно элементы культуры включать в этнические признаки, а какие не включать. Подразумевается, что инновации включать не надо. Однако на деле о признаках потому и спорят, что они чрезвычайно нерегулярны. Один и тот же признак может служить этническим показателем, а может и не служить. Инновация может сразу же войти в этническую идентичность (как гармошки в начале или матрешки в конце XIX века в русский быт), а может не входить. Старые черты могут изживаться чрезвычайно быстро (как обычай не брить бороды или сжигать покойников). Значит, существенно то, какие именно элементы культуры Новоженов выбирает для характеристики ИЕ идентичности, а насколько удачным окажется этот выбор – ничем не гарантировано, кроме разве интуиции. Какие же характеристики выбраны?

«Применительно к социумам ИЕ корня такими «иррациональными», «транскультурными» чертами, на мой взгляд, стали (наряду со многими другими, естественно) навыки управления, селекции и ухода за лошадьми; погребальный обряд; мегалитическая и изобразительная традиции; древнейшие технологии производства и правильного использования колесного транспорта и, наконец, распространение технологии литья бронзы в каменных или глиняных формах со слепой втулкой» (курсив мой. – Л. К.).

Итак, шесть категорий археологических явлений. Не буду здесь обсуждать удачность этого выбора. Она зависит от меры

сопряженности этих явлений с индоевропейской речью, а это ускользающий от нас параметр. Можно лишь судить по характеру реконструированного праиндоевропейского словаря – то чем как раз и занималась Е. Е. Кузьмина и материал для чего ныне предлагается нам в работах С. Н. Бурлак (2015) и А. Bomhard (2015). Новоженев эту задачу как-то обошел.

Еще существеннее – что с этими выделенными признаками автор далее делает. А это демонстрируют его замечательные карты. Прежде всего тут вдруг выясняется, что он не так уж противостоит всем предшествующим концепциям происхождения индоевропейцев. Из всех он выделил и положил в основу своих карт одну – концепцию «индоевропейских прародин» В. А. Сафронова. Сафронова я хорошо знал: он работал в моем семинаре в Петербургском университете в 1960-е – 70-е годы, потом уехал в Москву, но мы сохранили дружеские отношения, и впоследствии, бывая в Москве, я всегда останавливался в доме Сафроновых. В какой-то мере он может считаться моим учеником. Я говорю «в какой-то мере», потому, что он пришел в мой семинар уже достаточно взрослым человеком, со сложившимся стилем работы, в котором не все мне imponировало. Но общие идемы у нас были схожи: отсутствие страха перед миграциями, интерес к западному их источнику.

Идея нескольких прародин индоевропейцев, то есть двигающейся прародины, – блестящая идея, но ее реализация у Сафронова не очень прочно документирована. Сафронову, на мой взгляд, не хватало системности в археологических доказательствах (он часто опирался на несколько ярких аналогий) и сдержанности в распространении археологических доказательств на этнические характеристики. В частности он считал, что культурная преемственность (выраженная в археологических сходствах) должна соответствовать языковой (и этнической), тогда как я вместе с рядом исследователей констатирую, что археологические корни культур уходят в разные предшествующие культуры и с какой из них совпадает языковая преемственность, неясно. То есть нет уверенности, что по цепочке археологических связей: Ближний Восток – Винча – Лендель – культура воронковидных кубков передалась пра- или протоиндоевропейская речь. На любом этапе она могла проистекать из местной основы и передаваться дальше уже с археологически фиксируемыми традициями.

Новоженев сохраняет на своих картах сафроновскую основу, соединяя последовательные прародины индоевропейцев стрелками, но, вполне по Сафронову, добавляет прародины уже не праиндоевропейцев, а частных прародин некоторых ветвей праиндоевропейской большой семьи – степной пра- или протоарийской, хеттомитаннской и т. п. и вообще очаги этногенеза – индийский, который он кое-где (до прихода ариев) именуется харапским. Он помечает стрелками и отдельные крупные миграции – чемурчекскую, митанийскую, индоарийскую. А вот связи между отдельными очагами он в основном рисует не как миграции или влияния, а как «каналы коммуникации».

Что этим достигается? Во-первых, этим автор отстраняется от немедленного указания, что это за связь: миграция ли, или влияние с заимствованием (как раньше говорили «диффузия», хотя диффузия – это и миграция тоже), или торгово-обменные отношения. Во-вторых, автор этим избегает рисовать полную сеть связей, рисуя только отдельные каналы, отдельные связи. Получается, что несмотря на общее признание сафроновской идеи сдвигающейся прародины, он отказывается указывать единый источник и единую, пусть и сложную схему расселения праиндоевропейцев.

Чего же он в итоге добивается? Отнюдь не более сложной и реалистичной картины, потому что единый источник праиндоевропейцев не отрицается. Да и мудрено было бы отрицать, ведь есть же реконструкция праязыка, есть реконструкция филиации ветвей на семьи и подсемьи. Да и идеи происхождения важных изобретений в одном месте не отвергаются сходу, как, впрочем, и независимое их происхождение в разных местах.

Но автор рисует очень осторожную схему, в которой единая структура расселения как бы смазывается. Вместо цельного древа расселения рисуются отдельные разрозненные участки, охватывающие по паре очагов, со стрелками часто в обе стороны. Называются такие русла связей, вырванные из контекста, «каналами коммуникации». Это имеет резон: действительно всегда можно выявить и обратные воздействия, а не торопиться с определением, откуда куда шли главные импульсы, очень разумно: предупреждает от ошибок. Но когда-то поставить вопрос и решать его всё равно придется.

Поэтому мне представляется, что концепция Новоженева является не конечной продукцией его великолепной мысленной лаборатории, а скорее подготовительным этапом, связанным с нынешним состоянием накопленного материала, а название этой концепции, использующее термин «теория коммуникации» связано с тем, что «коммуникация» — более широкий термин, чем «воздействие», «влияние», «передача» и т. п., обобщающее для них, и это позволяет избежать преждевременного решения. Кроме того, на выбор термина несомненно повлияла вторая специальность Новоженева – телекоммуникации.

Отношения же к содержательной стороне дела это название не имеет. Ни миграции, ни воздействия, ни влияния не рассматриваются, по крайней мере в статье на сайте, как разновидности коммуникации с вытекающими отсюда математическими или иными следствиями.

Плохо ли это? Отнюдь. Только не стоит представлять резонный и разумный способ подачи состояния исследований на текущий момент (способ осторожного продвижения к решению задачи) как вариант содержательной концепции по данной теме.

Остальная часть отличного обзора Новоженева содержит анализ трех основных массивов материала, представляющего

«этнические признаки» ариев и фигурирующего в дискуссии по происхождению индоариев. Это лошади, колесницы и оружие, литое из бронзы. Они рассмотрены здесь ради коррекции выводов, выдвинутых проponentом автохтонной концепции происхождения ариев в Индостане. Рассмотрены с большой полнотой, на фоне которой становится видна бедность и фрагментарность материала, задействованного сторонником идеи автохтонности ариев в Индостане. В то же время Новоженев признает важность Гонура как одного из центров, воздействовавших на формирование андроновской культуры, в частности в деле совершенствования повозок, но, по Новоженеву, это совершенно не исключает миграции степных культур в Северо-Западный Индостан.

Обзор поражает обилием материала и разумной осторожностью его использования.

Бурлак С. А. 2015. Индоевропеистика — от Уильяма Джоунза до наших дней. Доклад на 1-й конф. «Индоевропеистика: междисциплинарный подход (Научно-просветительский центр палеоэтнологических исследований).

Клейн Л. С. 1972. О приложимости идей кибернетики к построению общей теории археологии. – Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. Москва, Наука, 1972, с. 14 – 16.

Клейн Л. С. 1991. Археологическая типология. Ленинград, издат.: Академия наук СССР, ЛФ ЦЭНДИСИ, Ленинградское археологич. научно-исследоват. объединение, 1991.

Клейн Л. С. 2012. Археологическое исследование: методика кабинетной работы археолога. Кн. 1. Донецк, Донецкий Национальный Университет, 2012.

Клейн Л. С. 2013а. Археологическое исследование: методика кабинетной работы археолога. Кн. 2. Донецк, Донецкий Национальный Университет, 2013.

Клейн Л. С. 2013б. Этногенез и археология. Т. 1. Теоретические исследования, Т. 2. Арии и varia. Санкт-Петербург, Евразия, 2013.

Новоженев В. А. 2012. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. Алматы, Таус.

Новоженев В. А. и др. (Епимахов А.В. гл. ред.). 2014. Тайнство этнической истории кочевников степной Евразии. Алматы, Остров Крым.

Bomhard A. R. 2015. The origins of Proto-Indo-European: The Caucasian substrate hypothesis. Leiden 2015.